

В. В. Устюгова

МАССОВАЯ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НАКАНУНЕ «ВОССТАНИЯ МАСС» (ПЕРМЬ НАЧАЛА XX В.)

УДК 94(470.5) "19"

ББК 63.3 (235.55) 531

«Эпоха технической воспроизводимости», «восстание масс», «век толп» до недавнего времени находились в центре интерпретаций современного мира, сменившись исследованиями потребительской культуры, массмедиа, публичной сферы. С переходом от традиционного к модерному обществу появляется множество анонимных индивидов, социальных атомов, лишенных связей между собой. Людские толпы стали «видимыми и слышимыми» на улицах, в конторах, на заводах, политических митингах, в казармах, местах досуга. Однако уровень урбанизации не соответствовал качеству «человеческого капитала», образованности горожан, их экономическому потенциалу и политическому весу. В статье рассматривается массовая развлекательная культура как явление «роста» современного общества начала XX в. На примере губернской столицы Перми показывается, что в провинциальной культуре, сохранявшей сословно-корпоративный характер, формировались массовые виды отдыха и зрелищ. Происходила эмансипация и демократизация досуга, однако развлекательная культура не могла «поглотить» всей массы возросшего городского населения, не справляясь с функцией социального контроля. Массы выставили свои запросы на развлечения публичные, зрелищные, акционистские. Феномен массовой культуры актуализирует проблему манипуляции. Информационная революция начала XX в., связанная с развитием прессы, с индустрией открыток, рекламы, с распространением фотографии, кино, способствовала социальной мобильности и открытости общества. В то же время средства массовой коммуникации, развлекательная индустрия запустили процессы стандартизации: массы присваивали потребительские стратегии высших классов, навязывая «вкус к однотипному», распространяя конформизм большинства.

Ключевые слова: *массы, массовая культура, модернизм, урбанизм, средства массовой коммуникации, индустрия развлечений, кинематограф*

Системные реформы эпохи Александра II вызвали невиданную социальную революцию. Индустриальный переворот, изменение структуры общества, стремительный рост городов привели к изменению всей «текстуры» городской жизни. Рост численности городского населения демонстрируют следующие данные: в 1897 г. в городах России проживало 15,6 млн чел., в 1913 г. — 25 млн; в Перми в 1897 г. насчитывается 45,4 тыс. чел., в 1913 г. — 75 тыс. Это формальные масштабы нового социального пространства, потенциальные возможности современного общества. «Города не превращали в одночасье вчерашних крестьян в каких-то других людей — дисциплинированных рабочих, мелких буржуа с налаженным бытом, интеллигентных завсегдаев театров и музеев. Просто в городе они оказались в едином, все менее и менее сегрегированном фи-

зическом и социальном пространстве, вступая в прямое взаимодействие друг с другом и общая переживая формирующее влияние событий и идей».¹

На арене общественной жизни появился новый герой. Его жизнь больше не опосредовалась обычаями, он подвергался действию новых регуляторов (пропаганда, мода, развлечения), которые призваны были формировать новые модели поведения, общие ценности и идеи. Рассмотрим массовую развлекательную культуру, образно выражаясь, накануне «восстания масс». Для примера возьмем культуру губернской Перми конца XIX — начала XX вв. Временные рамки исследования — это период возникновения массового общества, появления масс «из небытия» вплоть до «восстания» в 1917 г. В это время в Перми «нет отбоя от зрелищ»: «Сколько оркестров громыхает ежевечерне: в саду Общественного собрания, в оперетке, в “Благородске”,

Устюгова Вера Васильевна — к.и.н., доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь)
E-mail: vera_ust@list.ru

¹ Исторический курс: «Новая имперская история Северной Евразии». Гл. 10: XX век: Империя в эпоху массового общества // Ab Imperio. 2016. № 1. С. 280, 281.

в цирке...»; «по давке и непроходимости в театре и у театрального здания... можно вполне уверенно судить о том, что волна веселья захлестывает пермяка неудержимо, стихийно... и оставаться равнодушным наблюдателем этого колоссального людского движения невозможно». ² В статье рассмотрены продукты массовой культуры, средства их трансляции, социокультурные практики; затронуты проблемы традиционной и массовой культуры, «толпы» и «массы», среднего класса и потребительской культуры, массовой культуры в публичном пространстве города.

У истоков толкования термина «массовое общество» стояли Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет, В. Беньямин; предметом же специального исследования оно стало во второй половине XX в. Понятие «массовая культура» появилось в работах М. Хоркхаймера и Д. Макдональда и в дальнейшем рассматривалось в контексте интеллектуальных традиций структурно-семиотического подхода, Франкфуртской школы, Бирмингемского центра современных культурных исследований.³ Сегодня интерес сместился к изучению феноменов потребления, массмедиа, публичной сферы, досуга. В России рубежа XIX и XX вв. переплелись модерность и традиционализм.⁴ Формировался средний класс, вырабатывались тактики многовариантного потребления, активизировалась роль субъекта как производителя и потребителя культуры. В то же время индустриализация средств массовой информации (пресса, кинематограф) и тиражирование произведений искусства в эпоху «технической воспроизводимости» запустило процессы стандартизации и нивелировки жизненных форм, взглядов, поведения людей, что привело к появлению массового человека.

Западная историография дореволюционной российской модерности включает работы о городской жизни, потреблении и досуге, культуре низших слоев, гендере и сексуальности, эмоциях, преступности и пр.⁵ Среди отечественных ис-

следований «серебряного века» простонародья выделяются книги А. Ф. Некрыловой о городских площадных развлечениях, Н. А. Хренова о субкультурах ремесленников и фабричных, С. Ю. Малышевой о времени отдыха и досуговом пространстве российского города на примере Казани и др.⁶ Разработанным направлением исторической науки является история повседневной жизни городов, в том числе уральских. Рассматривая культуру и быт различных слоев городского населения, многие авторы акцентируют внимание на феномене российского среднего класса, мещанина, обывателя.⁷

В Перми, как и в других российских городах, существовала сложившаяся сезонная культура. Во время Масленицы и Пасхи открывались балаганы на площадях Сенного и Дровяного рынков. Балаган — явление многоликое и всеобъемлющее в характеристике народной культуры. На рубеже XIX и XX вв. на пермских базарах еще выступали поводиличи с медведями, а по дворам со складными ширмами ходили бродячие петрушечники. О праздновании Пасхи в 1896 г. хроникер писал: «Массы народа толпятся у балаганов, которых всего-то два на весь город, а “жаждущих развлечений” — непочатый угол».⁸ Губернская столица испытывала острый недостаток в общедоступных развлечениях, несмотря на то что с каждым годом их становилось все больше. В архивном фонде городской управы сохранились документы об открытии многочисленных акробатических балаганов и зверинцев, музеев и парусиновых цирков.⁹

Swift E. A. *Popular Theater and Society Tsarist Russia*. Berkeley, 2002; McReynolds L. *Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era*. Ithaca; New York, 2003.

⁶ См.: Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Л., 1988; 2004; Хренов Н. А., Соколов К. Б. Художественная жизнь императорской России. Субкультуры, картины мира, ментальность. СПб., 2001; Хренов Н. А. Образы Великого разрыва. Кино в контексте смены культурных циклов. М., 2008; Муравьева И. А. Век модерна. Панорама столичной жизни: т. 1–2. СПб., 2004; Малышева С. Ю. Праздничный день, досуговый вечер: Культура досуга российского провинциального города второй половины XIX — начала XX века. М., 2011.

⁷ См.: Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М., 2008; Миненко Н. А., Алпаримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX века. М., 2006; Рута В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта начала XX века. М., 2010; Микитюк В. П., Яхно О. Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков: очерки городского быта. Екатеринбург, 2014; Толстиков В. С., Ерыкалина А. Ю. Южноуральские горожане в эпоху культуры модерна (на рубеже XIX–XX вв.). Челябинск, 2016.

⁸ Местная хроника // Перм. губерн. ведомости. 1896. 29 марта. № 68.

⁹ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 27. Л. 225–229, 232, 239, 278, 301, 345, 351–353, 375, 446.

² Пермский карнавал // Перм. губерн. ведомости. 1899. 3 марта. № 48; Злобы дня // Там же. 15 авг. № 175.

³ См.: Массовая культура: современные западные исследования. М., 2005.

⁴ См.: Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Нов. лит. обозрение. 2016. № 140. С. 19–46.

⁵ См.: Engelstein L. *The Keys to Happiness. Sex and Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia*. Ithaca; London, 1994; *Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia*. Princeton, 1994; Phillips L. L. *Bolsheviks and the Bottle. Drink and Worker Culture in St. Petersburg, 1900–1929*. Dekalb, 2000;

Балаган приобретал все большую злободневность и зрелищность; «интересными становятся быт и нравы других народов, жизнь светского общества, достижения науки и техники».¹⁰ Балаган по злободневности мог сравниться с малой прессой. Среди балаганных развлечений распространены были демонстрации райков и панорам. Издатель И. Д. Сытин напоминал, что безграмотный крестьянин, «затерянный в дебрях сибирской тайги или муромских лесов, узнавал о многих событиях только тогда, когда ему говорила об этом картинка».¹¹ Историк кино В. С. Листов отмечает, что через год после того, как в России была сделана первая киносъемка, в стране не умело читать и писать 60,4 % населения.¹²

Балаганы не исчезли даже тогда, когда на улицах городов зажглись огни синематографов. Пермский корреспондент в 1910 г. писал, что по праздникам на Дровяной площади наблюдается «столпотворение вавилонское», «площадь кишит народом, отовсюду несутся крики и звуки разной музыки».¹³ Границы между балаганными, эстрадными и цирковыми зрелищами были размыты, особенно в провинции. Традиционная балаганная культура переживала кризис, не выдерживая концентрации значительных городских масс и уступая место развлечениям современного общества.

Летом в Пермь приезжали цирки. Рассматриваемый период — время необыкновенной популярности цирка. «Ходят все, и в этом — характеристика запросов публики».¹⁴ Цирк — свидетельство трансформации балагана и профессионализации общедоступной культуры. Именно цирк до распространения кино заполнил пустующую нишу в системе городских развлечений, предназначенных прежде всего для низов и средних слоев городских обывателей. Массовый зритель начинал выставлять свои культурные запросы. «В зверинце — полно, в музее — полно,¹⁵ вечером в цирке — битком набито...» — писал фельетонист о сезоне 1897 г.¹⁶

Большим успехом в провинции пользовались номера, в которых могла принять участие

сама публика. Гвоздем цирковых программ тех лет являлось brutальное зрелище борьбы атлетов. В Перми, как и в других городах, гастролировали атлеты А. Горец, П. Крылов, С. Елисеев, Г. Злобин, братья Азон. И наибольший интерес вызывали состязания известных атлетов с местными силачами, например с рабочим-грузчиком на пермских пристанях Я. Овчинниковым, с приставом Е. Филимоновым, местным мясником В. Якутовым, председателем пермского атлетического клуба И. Гилевым. Купцы назначали вознаграждение тем из них, кто победит приезжих знаменитостей. «Симпатии большинства публики всегда на стороне своего... и в особенности неистовствует “галерка”, — писала пермская газета. — По окончании борьбы, как бы она ни окончилась, обязательно поднимается невообразимый шум и гвалт. Свист, аплодисменты, стук — все сливается, и нельзя разобрать, кого публика приветствует, а кого провожает свистом».¹⁷

Расцвет цирковой борьбы наблюдается в начале XX в. А. Блок в предисловии к поэме «Возмездие» так характеризовал 1911 г., отмеченный знаковыми политическими и культурными событиями: «Неразрывно со всем этим для меня связан расцвет французской борьбы в петербургских цирках; тысячная толпа проявляла исключительный интерес к ней...»¹⁸ В Перми на цирковых аренах и в городских садах каждый год проходили состязания борцов, и даже чемпионаты по борьбе. Массовое общество вырабатывало общую городскую культуру, ориентированную не только на реабилитацию после тяжелых будней, но и на сублимацию энергии. Изменялся социокультурный портрет зрителя, в несколько раз вырос градус общественных эмоций. Спорт ныне в моде, констатировали современники. «Но отсюда еще вывод: “некуда” больше идти, нет семейно-общественных отношений, и идут... на улицу — на вокзал, велодром, на пароходные рубки...»¹⁹ — писал в 1899 г. пермский корреспондент.

«Избранное общество» Перми собиралось в клубы — в Благородное, Купеческое (Общественное), Офицерское собрания. Канцелярский люд, приказчики проводили время где придется, поскольку Пермь была небогата учреждениями, где «скучающий обыватель средней руки» мог бы провести время. В начале 1911 г. состоялось открытие Пермского семейного

¹⁰ Некрылова А. Ф. Указ. соч. С. 104.

¹¹ Сытин И. Д. Страницы пережитого // Жизнь для книги. М., 1960. С. 37.

¹² См.: Листов В. С. Россия. Революция. Кинематограф. М., 1995. С. 8.

¹³ Народные развлечения // Перм. губерн. ведомости. 1910. 29 мая. № 114.

¹⁴ Цирк г. Боровского // Там же. 1897. 7 июня. № 121.

¹⁵ Имеется в виду музей-паноптикум.

¹⁶ По зрелищам // Перм. губерн. ведомости. 1897. 18 июня. № 130.

¹⁷ Наброски «гастролера» // Там же. 1899. 7 сент. № 193.

¹⁸ Блок А. Возмездие // Собр. соч.: в 6 т. М., 1971. Т. 3. С. 188.

¹⁹ Злобы дня // Перм. губерн. ведомости. 1899. 13 июня. № 124.

собрания служащих. Вместе с тем в Перми возникают общества и кружки, отвечающие быту «прекрасной эпохи», в частности общество велосипедистов (на территории городского сада открывается велодром²⁰), речной яхт-клуб и другие спортивные объединения.²¹ Приметой времени стало появление модных видов спорта: лаун-тенниса, футбола, крокета, сокольской гимнастики. Спортивные мероприятия организуются в публичном пространстве города, как, например, праздник сокольской гимнастики в 1914 г., запечатленный на киноленту.²²

Пересечение различных досуговых миров происходило во время гуляний на площадях, в городских садах. В свое время Ф. М. Решетников так описывал «Козий загон» (Набережный сад) на берегу Камы: «Барыни и барышни точно павы плавают, важничают, обметая землю; городские франты идут за ними, а попадаясь навстречу, рисуются; барышни делают глазки; остальной чиновный люд ходит так себе, или сидит, или стоит, разговаривая о чиновниках. Дамы разговаривают о дамах...»²³ Несмотря на живописный вид, открывающийся с берега Камы, «Козий загон» в конце XIX — начале XX вв. оказался не самым престижным местом отдыха горожан. «Обыкновенными его посетителями являются: рабочие, золоторотцы и милые, но падшие создания, “малютки”, как нежно величают их пермские извозчики, — писал корреспондент. — Весь этот люд чувствует себя в “Козьем загоне” как дома и располагает совершенно по-домашнему: садится в группы на лавках, на земле, закусьивает воблой, яйцами, ведет громкие разговоры, запивая их водкой».²⁴

Аналогичная ситуация складывалась в саду Общественного собрания. Еще в 1883 г. совет старшин клуба в обращении к городской управе констатировал, что во время летних музыкальных сезонов собиралось много публики и «каждый раз бывало много пьяных из простого звания, которые, не стесняясь присутствия дам и детей, ругались между собой неприличными словами, а иногда бывали драки, что производило весьма неприятное впечатление на остальную публику, и в особенности на детей». Однако по требованию городской

думы «во время летнего сезона гуляние в саду должно быть всегда и для всех желающих бесплатное».²⁵

В связи с расширением социальной базы городской культуры возникали новые ее формы, сближались модели досугового времяпрепровождения. Входящую в моду шантанную программу предлагали рестораны и трактиры, которые сделались «вообще средоточием жизни массы», писал Э. Фукс. «Для семейной жизни нужно иметь и время, и достойное человека жилище, — рассуждал он. — Ни того ни другого в настоящее время нет у большей части пролетариата. Вот почему огромные массы населения ныне безжалостно приговорены к муке ежедневного посещения кабака и, к сожалению, еще, вероятно, долго будут вынуждены нести этот крест».²⁶

Историки субкультур императорской России отмечают, что отрыв от традиционной культуры, связанной с земледельческими ценностями, оборачивался жадной разгула и реальностью насилия. Фабричной среде были свойственны свобода в отношениях между полами, ослабление родительского авторитета, кризис религиозных идеалов. Мотив разгула ассоциировался с питейными домами, кабаками. Транслятором городской культуры для фабричных выступал городской обыватель, мещанин — в их среде распространялись мещанские ценности и развлечения, в частности щегольская мода, танцы.²⁷

В губернской столице на рубеже XIX и XX вв. сохранялась сословная парадигма развлекательной культуры. Вместе с тем рост мобильности населения стал вызовом для системы сословий. Для городских низов существовала дилемма между «разгулом» и приобщением к потребительской культуре средних слоев.

Осенний сезон 1906 г. губернская столица отмечала в танцевальной эйфории. Каждый день на первых полосах газет печатались серии объявлений о развлекательных мероприятиях, которые нередко с благотворительными целями проводили Благородное и Общественное собрания, учебные заведения, Пермское уездное попечительство детских приютов, Общество трудовой помощи, Дом трудолюбия, Комиссия по разбору и призрению нищих, Общество призрения бедных и пр.

²⁰ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 151. Л. 12, 19–20.

²¹ Там же. Л. 21–22, 44.

²² Там же. Л. 40.

²³ Решетников Ф. М. Глухие места. Из дорожных заметок // В Парме. Пермь, 1988. С. 27.

²⁴ В «Козьем загоне» // Перм. губерн. ведомости. 1899. 25 июля. № 158.

²⁵ ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 34. Л. 21, 58–59.

²⁶ Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. М., 1913. Т. 3. С. 365, 366.

²⁷ См.: Хренов Н. А., Соколов К. Б. Указ. соч. С. 563–565.

«Обилие развлечений», «Танцуют», — глаголы заголовки газетных фельетонов. Все афишные стенды на всех перекрестках были заклеены объявлениями, извещающими о литературно-музыкальных вечерах, спектаклях, лотереях. В газетах отмечалось: «Демократизация проникла всюду — и в костюмы, и в отношения между людьми». Корреспондент указывал на то, что делалось в буфетах: «Стоило большого интереса посмотреть, как здесь пили водку учащиеся, подростки иногда... Вот пили так пили!»²⁸

В это время городские улицы жили своей жизнью. Газеты пестрили заголовками: «Хулиганы», «Еще и еще о хулиганах», «Кражи и хулиганы», «Грабеж винной лавки», «Дерзость уличных грабителей». «От краж не спасают никакие запоры, — писал репортер, — а от хулиганства и нищенства не только по вечерам, но и днем нет прохода по улицам. Полицейских постов в городе, несмотря на увеличенный состав полицейских, далеко недостаточно для охранения безопасности обывателей...»²⁹ Активно шла подпольная продажа вина, что отразилось в хронике русского провинциального города: «Пивные залы и пивные лавки», «Наши пивные лавки», «Около винной лавки № 4», «Тайная продажа вина и пива», «Тайная виноторговля».

Большой проблемой стало распространение порнографии, открыток на скабрезные темы, которые можно было купить у любого разносчика газет. Насущным оказался и вопрос домов терпимости, которые имелись в разных районах города, и городской управой обсуждалась перспектива вынесения их за Сибирскую заставу. В фокусе городского внимания оказались также рынки и вокзал. На рынках играли в «орлянку», «банковку», «гастролировали» картежники, дочиста раздевая своих партнеров. Рост девиантных явлений был другой стороной урбанизации, «свобода» понималась как «вольница».

Рост числа электротeatров совпал с «успокоением» общества после Первой русской революции, кино выступило способом разрядки для «воспламеняющейся смеси» масс. Кинематограф выполнял компенсаторную и коммуникативную функции, удовлетворяя спрос толпы на «новости» и «происшествия», позволяя зрителям увидеть себя на экране, становясь источ-

ником сведений об окружающем мире. Кино, как и почтовые открытки, явилось фактором мобильности современного мира. О популярности комических картин Ю. Олеша писал: «Трудно вам передать, как был знаменит Макс Линдер! Духи, папиросы, галстуки, ботинки, покрой, прически, манеры назывались его именем...»³⁰ Игровые картины показывали, как одевались, чем увлекались, как развлекались люди в «прекрасную эпоху».

Государство посредством кино прибегало к идейному приручению масс. В контексте юбилеям, изобретения традиций снимались фильмы «Оборона Севастополя», «Осени себя крестным знаменем, православный народ», «1812», «Трехсотлетие царствования Романовых». По свидетельству кинопрессы, у столичной публики последняя картина успеха не имела, зато в провинции лента пользовалась популярностью.

С появлением полного метра на экране расцветает драма. Литературный бестселлер А. Вербицкой «Ключи счастья» был экранизирован в 1913 г. и стал первым отечественным полнометражным фильмом. Билеты на него продавались на несколько дней вперед, и не только сидеть, но и стоять в проходах не было никакой возможности.³¹ «Ревность» по пьесе М. Арцыбашева — «грандиозная», «сенсационная» — демонстрировалась в Перми в 1914 г. при повышенных ценах. «Нашумевший» фильм «Ключи счастья» в том же году повторялся в городском театре. Администрация предупреждала: «Ввиду громадного скопления публики» билеты рекомендуется приобретать заблаговременно.³²

Западные исследователи говорят о моральной амбивалентности русских кинодрам, о «пустоте в конце».³³ Л. Мак-Рейнольдс анализирует русские киномелодрамы в рамках фрейдистского сценария семейных отношений и называет их драмами Домостроя.³⁴ Исследовательница отмечает, что мелодрама представляет линии разлома предреволюционной семьи на микроуровне, что черно-белые фильмы

³⁰ Олеша Ю. Ни дня без строчки. М., 1965. С. 254.

³¹ См.: Лихачев Б. С. Кино в России (1896–1926). Материалы к истории русского кино. Л., 1927. С. 121.

³² Афиша // Перм. губерн. ведомости. 1914. 2 мая. № 94.

³³ См.: Hansen M. Deadly Scenarios. Narrative Perspective and Sexual Politics in Pre-Revolutionary Russian Film // Cinefocus. 1992. Vol. 2, № 2. P. 10–19.

³⁴ См.: McReynolds L. Home Was Never Where the Heart Was. Domestic Dystopias in Russia's Silent Movie Melodramas // Imitations of Life. Two Centuries of Melodrama in Russia. Durham, 2002. P. 127–151.

²⁸ Наброски // Перм. губерн. ведомости. 1906. 3 нояб. № 239.

²⁹ Кражи и хулиганы // Там же. 3 окт. № 214.

изобразили тревоги общества, сражающегося с демонами модернизации. В период краха традиционных ценностей семья не стала убежищем, поэтому русские черно-белые мелодрамы имели несчастливые концы, не решали конфликтов путем восстановления порядка.

Во время Первой мировой войны выпускаются патриотические картины с целью привлечения масс на сторону режима путем патриотической мобилизации. Между тем кинематограф оставался частновладельческим, поэтому интерес к военным фильмам, резко возникнув, так же резко пошел на спад. В кино устремились капиталы из разных сфер бизнеса, открылся «кинематографический клондайк». Первые полосы официальных губернских газет заняла кинореклама. Современники свидетельствовали: «Огненно-красные буквы, указательные пальцы, масса текста, все знаки препинания — словом, афиша кричит, вопиет. <...> Кинематограф же, за который взялась “улица” с ее разношерстной толпой, и говорит, и кричит в своих рекламках по-уличному: “Стой, прохожий, остановись! — У нас сегодня особо шикарная, боевая, сенсационная перемена!!!”»³⁵

Накануне революции в российском прокате получили распространение уголовные серии, многие из которых создавались на основе сюжетов, извлеченных из судебных газетных колонок. Это такие фильмы, как «Васька Чуркин», «Сонька Золотая ручка», «Сашка-семинарист», «Антон Кречет», «Мария Лусьева», «Похождения Шпейера и его шайки червонных валетов», «Похождения корнета Савина» (он сам же себя и сыграл, и, как только закончили съемки, «его вновь арестовали и сослали в Нарымский край»), «Московский хитровский притон». «Оживились» традиционные разбойники — «Стенька Разин», «Емелька Пугачев» и др.

К. Чуковский по поводу кинозрителей задавался вопросом: «Кто же они такие, эти странные, нам неизвестные люди, столь неожиданно заявившие о себе», откуда «столько пещерных людей на углу Коломенской и Разъезжей»? По его характеристике, кинематограф создан современным «демосом» — многомиллионной городской толпой. В кинематографе ее «идеология нашла себе полное стихийное выражение».³⁶ «Чистая публика» увлекалась

западными приключенческими лентами, а герои русских уголовно-авантюрных драм нравились посетителям дешевых кинематографов тем, что они «удивительно смело противопоставляли себя властям предрержащим».³⁷ Напрашивается вывод не только о расширении социальной базы кинематографа, но и о ее люмпенизации, хотя теоретик масскульты Дж. Кавелти предостерегает от таких подходов, поскольку художественный опыт автономен и разговор о нем с позиций причинно-следственной связи представляется бессмысленным.³⁸ Русский авантюрный фильм представлял собой ряд универсальных повествовательных форм, связанных с развитием индустриального урбанизма и с возникновением развлекательных жанров детектива, гангстерской саги.

Культурный досуг в 1917 г. в губернской столице словно существовал в разных мирах. С одной стороны, в городском саду проходили футбольные матчи, на Каме — парусные гонки, с другой — в кинотеатрах показывались фильмы о «темных силах» царизма, такие как «Гришка Распутин», «Позор дома Романовых», которые стряпались по сценариям уголовно-авантюрных серий и являлись плодом общественного запроса, поэтому имели сенсационный успех.

Анализ развлекательной культуры губернской столицы начала XX в. позволяет судить о значительном расширении социального состава ее потребителей. Провинциальная культура сохраняла сословно-корпоративный характер, но появлялись массовые виды зрелищ, которые преодолевали социальные барьеры в спросе на развлечения. Низшие слои присваивали модели праздного времяпрепровождения, выступавшие симулякром «хорошей жизни», вольницы. Массовые развлечения посещали представители разных сословий, включая так называемое «общество». При расширении возможностей и росте качества досуговых форм востребованными оказывались коммерчески успешные, зрелищные, публичные развлечения: кинематограф, спортивные состязания, цирки, театры малых форм, шантаны, фланирование.

Исследование массы, толпы приводит к рассмотрению феномена влияния. Масса подвергается, по словам С. Московичи, «двум типам конформизма: один спускается сверху —

³⁵ Никольский С. М. Берегите экран! // Вестн. кинематографии. 1917. № 123. С. 8–11.

³⁶ Чуковский К. Нат Пинкертон и современная литература // Собр. соч.: в 6 т. М., 1969. Т. 6. С. 119, 122.

³⁷ Гинзбург С. С. Кинематография дореволюционной России. М., 1963. С. 211, 212.

³⁸ См.: Кавелти Дж. Изучение литературных формул // Новое лит. обозрение. 1996. № 22. С. 48–63.

от меньшинства, а второй снизу — от большинства». ³⁹ На начало XX в. пришлось первая волна информационной революции (газеты, в том числе малая пресса, почтовые открытки, плакаты, реклама, фотография, кинематограф). Средства массовой коммуникации могли трансформировать толпы в массы или публики. Городская культура в начале XX в. развивалась разнонаправленно. Имел импульс к развитию средний класс, распространялись европейские современные ценности, складывалась потребительская культура. Увеличение свободного времени, разнообразия возможностей город-

ской жизни было связано с клубным отдыхом, индивидуализацией досуга. В то же время массовая культура, находившаяся под влиянием «двойного кодирования» — рычагов массмедиа и запросов большинства, — выдвигала «человека-массу», для которого «ничего не обязательно», который не способен на созидание, для которого «единственная доктрина» — насилие. Массовая культура продемонстрировала наличие значительных людских скоплений, послужила средством тиражирования однотипного и единообразного, воспроизводства самих подверженных манипуляции масс.

Vera V. Ustyugova

Candidate of Historical Sciences, Perm State National Research University (Russia, Perm)

E-mail: vera_ust@list.ru

MASS CULTURE ON THE EVE OF “MASS RISE” (PERM AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY)

Up till now “the epoch of the technical reproducibility”, “mass rise”, “the century of crowds” have been at the center of the modern world interpretation which was replaced by the researches into the consumer culture, mass media, public sphere. Transition from a traditional society to a market one flooded the market with a lot of anonymous individuals, social atoms having no links with each other. People’s crowds appeared to be “seen and heard” in the streets, in the offices, plants, political meetings, in the barracks, in leisure places. However, the urbanization level did not correspond the quality of “human capital”, the education level of the citizens, their economic potential and political impact. The paper looks at the mass entertainment culture as a phenomenon of “growth” in modern society at the beginning of the 20th century. The case of Perm, the capital of province, reveals that the provincial culture with the preserved class-corporate nature was characterized with the development of mass types of recreation activities and performances. The period was known for leisure emancipation and democratization, although the entertainment culture could not “absorb” the whole mass of the matured urban population as it could not manage to provide the social control. People put forward their own demands in the form of public, spectacular, action performances. The phenomenon of mass culture raises the problem of manipulation. Information revolution at the beginning of the 20th century connected with the development of the press, postcard industry, advertisements, photo and movie distribution contributed into the social mobility and openness of the society. At the same time the means of mass communication, entertainment industry triggered the standardization processes. Masses of people appropriated the consumer strategies of the higher classes and imposed “taste for the one-type-only”, thus distributing the conformism of the majority.

Keywords: *masses of people, mass culture, modernity, urbanism, means of mass communication, entertainment industry, cinematography*

REFERENCES

- Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia. M. D. Steinberg and S. P. Frank (ed.). Princeton: Princeton UP, 1994, 224 p. (in English).
- Devid-Foks M. [Modernity in Russia and the USSR: absent, general, alternative or intertwined?]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2016, no. 140, pp. 19–46. (in Russ.).
- Engelstein L. The Keys to Happiness. Sex and Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca; London: Cornell UP, 1994, 480 p. (in English).
- Ginzburg S. S. *Kinematografiya dorevolyutsionnoy Rossii* [Cinematography of pre-revolutionary Russia]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1963, 404 p. (in Russ.).

³⁹ Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998. С. 46.

- Hansen M. *Deadly Scenarios. Narrative Perspective and Sexual Politics in Pre-Revolutionary Russian Film. Cinefocus*, 1992, vol. 2, no. 2, pp. 10–19. (in English).
- [Historical course: “The New Imperial History of Northern Eurasia”. Ch. 10: The 20th Century: The Empire in the Epoch of Mass Society]. *Ab Imperio* [Ab Imperio], 2016, no. 1, pp. 279–364. (in Russ.).
- Kavelti Dzh. [The study of literary formulas]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 1996, no. 22, pp. 33–64. (in Russ.).
- Khrenov N. A., Sokolov K. B. *Khudozhestvennaya zhizny imperatorskoy Rossii. Subkultury, kartiny mira, mentalynosty* [The artistic life of imperial Russia. Subcultures, pictures of the world, mentality]. Saint-Petersburg: Aleteyya Publ., 2001, 810 p. (in Russ.).
- Khrenov N. A. *Obrazy Velikogo razryva. Kino v kontekste smeny kulyturnykh tsiklov* [Images of the Great break. Cinema in the context of changing cultural cycles]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2008, 568 p. (in Russ.).
- Koshman L. V. *Gorod i gorodskaya zhizny v Rossii XIX stoletiya: sotsialnyye i kulyturnye aspekty* [City and city life in Russia in the 19th century: social and cultural aspects]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008, 448 p. (in Russ.).
- Likhachev B. S. *Kino v Rossii (1896–1926). Materialy k istorii russkogo kino* [Cinema in Russia (1896–1926). Materials for the history of Russian cinema]. Leningrad: Academia Publ., 1927, 212 p. (in Russ.).
- Listov V. S. *Rossiya. Revolyutsiya. Kinematograf* [Russia. Revolution. Cinema]. Moscow: Materik Publ., 1995, 176 p. (in Russ.).
- Malysheva S. Yu. *Prazdnyy deny, dosuzhiy vecher: Kulytura dosuga rossiyskogo provintsialnogo goroda vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka* [Holiday day, leisure time: Culture of leisure of the Russian provincial city of the second half of the 19th — the beginning of the 20th century]. Moscow: Academia Publ., 2011, 191 p. (in Russ.).
- Massovaya kulytura: sovremennyye zapadnye issledovaniya* [Mass culture: modern Western studies]. Moscow: Fond nauchnykh issledovaniy “Pragmatika kulytury” Publ., 2005, 339 p. (in Russ.).
- McReynolds L. *Home Was Never Where the Heart Was. Domestic Dystopias in Russia’s Silent Movie Melodramas. Imitations of Life. Two Centuries of Melodrama in Russia*. Durham: Duke UP, 2002, pp. 127–151. (in English).
- McReynolds L. *Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era*. Ithaca, New York: Cornell UP, 2003, 309 p. (in English).
- Mikityuk V. P., Yakhno O. N. *Povsednevnyaya zhizny Yekaterinburga na rubezhe XIX–XX vekov: ocherki gorodskogo byta* [The daily life of Ekaterinburg at the turn of the 19–20 centuries: essays of urban life]. Ekaterinburg: AMB Publ., 2014, 488 p. (in Russ.).
- Minenko N. A., Apkarimova Ye. Yu., Golikova S. V. *Povsednevnyaya zhizny uralyskogo goroda v XVIII — nachale XX veka* [The daily life of the Urals city in the 18th — early 20th century]. Moscow: Nauka Publ., 2006, 384 p. (in Russ.).
- Moskovichi S. *Vek tolpy. Istoricheskiy traktat po psikhologii mass* [Century of the Crowds. Historical treatise on the psychology of the masses]. Moscow: Tsentr psikhologii i psikhiatrii Publ., 1998, 480 p. (in Russ.).
- Muravyeva I. A. *Vek moderna. Panorama stolichnoy zhizni* [The Age of Art Nouveau. Panorama of the metropolitan life]. Saint-Petersburg: Pushkinskiy fond Publ., 2004. Vol. 1–2, 272 p. (in Russ.).
- Nekrylova A. F. *Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseneniya i zrelishcha* [Russian folk city holidays, amusements and shows]. Moscow: Isskusstvo Publ., 1988, 216 p. (in Russ.).
- Phillips L. L. *Bolsheviks and the Bottle. Drink and Worker Culture in St. Petersburg, 1900–1929*. Dekalb: Northern Illinois UP, 2000, 212 p. (in English).
- Ruga V., Kokorev A. *Povsednevnyaya zhizny Moskvyy. Ocherki gorodskogo byta nachala XX veka* [The daily life of Moscow. Essays on urban life of the beginning of the 20th century]. Moscow: AST Publ., 2010, 752 p. (in Russ.).
- Swift E. A. *Popular Theater and Society Tsarist Russia*. Berkeley: California UP, 2002, 346 p. (in English).
- Tolstikov V. S., Yerykalina A. Yu. *Yuzhnouralskie gorozhane v epokhu kulytury moderna (na rubezhe XIX–XX vv.)* [Yuzhnouralsk citizens in the era of modern culture (at the turn of the 19–20 centuries)]. Chelyabinsk: Izd-vo ChGIK Publ., 2016, 183 p. (in Russ.).